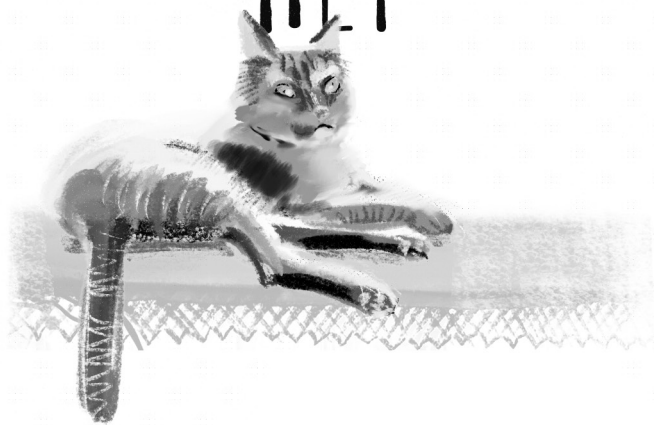

Елена Трофимчук

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т76

Дизайн обложки и оформление макета книги:
Юлия Межова

В оформлении обложки использована работа
Юлии Межовой

Трофимчук, Елена Алексеевна.
Т76 Дом, которого нет / Елена Трофимчук. — Мос-
ква: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб»,
2024. — 256 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-162673-0

«Дом, которого нет» — это большой мир, кото-
рый умещается в маленькой деревне. Мы смотрим
на него глазами девятилетней Аленки. Здесь есть
остановившееся время, в котором жизнь наряжается
смертью, смерть — жизнью, и каждый момент на-
стоящий.

Роман-санаторий для усталых взрослых, машина
времени, отправляющая в детство.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-162673-0

© Елена Трофимчук, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

Роман в рассказах

ЗАУМАНИХА

Аленка трет пятки. Вода в тазике становится желто-коричневой. Земля на улице серая, пыльная, а вода в тазике желто-коричневая. Прямо как на Таниной могилке. Таню хоронили вчера. Она лежала в красном гробу в свадебном платье, а ее мама — низенькая тетя Зина — то ли пела, то ли плакала. Бабушка Соня сказала, что тетя Зина голосит. Дядя Вася — Танин папа — не голосил. Он стоял на коленях, прямо на желтой земле, и держал голову руками. «Запьет», — покачала головой незнакомая бабулька в черном платке.

Аленкин папа не запьет. Нет у Аленки папы. У Аленки есть только мама и бабушка Соня. Аленка достает ноги из воды. Пятки сморщились, но все равно грязные. Аленка шмыгает носом и топает к столу. Вздвигается в углу на стул и просит: «Боженька, миленький, помоги, не умирай меня, Боженька!» Боженька смотрит мимо Аленки.

Он высокий и почти голый. «Помогай им, Боженька» — просит бабушка Соня, когда в телевизоре кому-то плохо. Аленке теперь никто не поможет. Она бежала босиком. Всю дорогу — от речки до дома. И мимо дома Зауманихи тоже бежала. А Зауманиха сидела на скамейке и кого-то гладила. Кого-то у себя на коленях. Аленка видела, что на коленях у Зауманихи никого нет, и видела, как она его гладит.

Зауманиха — колдунья. Ей тысяча лет, а может, и больше. Дом Зауманихин стоит боком, окнами глядит не на улицу, а в глубокий темный ров. Бегать по улице босиком нельзя, это все знают. С самого рождения знают. Рождается дитеночек, и ему сразу говорят: «По улице босиком не бегай». Зауманиха каждый вечер ходит по улице с ведром и лопатой. Собирает в ведро следы и относит их на кладбище. Аленка сто раз видела, как Зауманиха идет с ведром на кладбище. Чьи следы отнесла, тот человек умирает. Не сразу, но обязательно умирает.

Аленка не знает, когда умрет. Может, завтра, а может, через неделю. Через неделю, на выходные, приедет мама. А если Аленка умрет завтра, то маму, наверное, раньше с работы отпустят. Аленка скручивается на стуле и ревет. Не в голос ревет — тихо. Оденут Аленку в свадебное платье. Всех, кто не успел выйти замуж, в свадебное платье на-

ряжают. У Аленки есть жених, почти муж — Владик Залевский. Они договорились вырасти и пожениться. Теперь Аленка не вырастет. А Владик будет сидеть на коленях на желтой земле и держать голову руками. А потом запьет.

Хлопает дверь — бабушка Соня. Подоила корову, принесла молока — теплого. Аленка поднимает голову, хочет рассказать все бабушке и снова ревет — уже в голос. Бабушка гладит Аленкину голову, а Аленка показывает пятки — шершавые, желто-коричневые. «Поранилась?» — спрашивает бабушка и надевает очки. И Аленка рассказывает — про Зауманиху, про следы, про свадебное платье. Только про Владика не рассказывает.

«Да какая же она колдунья? — удивляется бабушка. — Контуженная она. В войну еще контуженная». «Контуженная» звучит красиво. Как танец звучит. Аленка представляет даму в красивом платье. Почти таком же красивом, как мамина ночнушка с маками. Дама в платье кружится, кружится, перебирает босыми ногами. Чем больше дама кружится, тем тяжелее Аленке на нее смотреть. Глаза Аленкины закрываются, дама кружится все медленнее, медленнее, а потом и исчезает вовсе. На пыльно-серой улице — желтые следы. И бабушкин голос: «Умаялась за день».

Шарик ночью плакал. Аленка знает, что собака воет к покойнику. Еще Аленка знает, что умереть намного легче, чем выжить. Можно чихнуть в субботу, и в доме появится покойник. Появится не прямо в субботу, и даже, скорее всего, не в воскресенье, но скоро. Скоро — это хуже, чем в субботу или в воскресенье. Скоро — это каждый день ждать смерти.

Бабушка Соня смерти не ждала. Она с утра до ночи возилась в огороде, а потом легла. Накрылась тяжелым ватным одеялом и стала громко, хрипло дышать. «Хорошо, картошку успела выкопать», — сказала соседка Петровна. Петровна теперь приходит каждое утро. Ставит на стол тарелку с драниками, берет табуретку и садится около кровати бабушки Сони. Драники у Петровны некрасивого синего цвета и всегда холодные — как будто она их не жарит в горячей печке, а морозит в стылом погребу. «Главное, чтобы Яся успела приехать», — говорит Петровна и вздыхает. «Не причитай раньше времени», — хрипит бабушка Соня и закашливается.

Яся — Аленкина мама. По паспорту маму зовут Янина, а в жизни — Яся. На Янину мама не похожа. У Янины должно быть круглое веселое лицо и платье, в котором много юбок. Нижняя юбка должна быть белая, кружевная — как подзор кровати, на которой лежит

бабушка Соня. У Аленкиной мамы лицо худое, с длинной морщиной на лбу. Такое же лицо у женщины на овальном портрете, который висит на стене между окнами. Женщина на портрете — Аленкина прабабушка, она умерла раньше, чем родилась Аленка. Аленке от прабабушки досталось имя. А маме — худое лицо и длинная морщина. Маме послали телеграмму. Текст придумала тетя Рая — Варькина мама. Варька — лучшая Аленкина подруга. А тетя Рая — учительница и знает, что в таких случаях пишут в телеграммах. «В таких случаях» — это Варькино выражение. Варька видела, что именно тетя Рая написала Аленкиной маме, но Аленке не говорит. Варька теперь, когда видит Аленку, делает такое лицо, словно бабушка Соня уже умерла.

Аленка на цыпочках выходит за дверь. Щеколду опускает медленно — чтобы не гремела. «Блинов поешь!» — кричит вслед Петровна. «Не хочу», — говорит Аленка уже во дворе и обнимает за шею Шарика. Шарик крутит головой — хочет лизнуть. Аленка зарывается носом в густую шерсть. Шарик пахнет солнцем и печеной картошкой. «Драники — не блины», — говорит Аленка Шарiku. Желтые, круглые блины бабушка Соня печет каждое утро. Сначала половником наливает тесто на тяжелую сковороду. Тесто растекается ровно, без единой дырочки. Затем чепелой отправляет сковородку в светлую разогретую

печь. Аленка сидит за столом, смотрит в окно на Шарика и ждет. Готовые блины ложатся румяной стопкой на чистый рушник. В доме пахнет тестом и стиркой.

Уже четвертый день в Аленкином доме пахнет спиртом, сладко-горькой травой и косынкой Петровны. Аленка прижимается щекой к морде Шарика. Шарик ложится на спину, приоткрывает пасть и показывает зубы. Аленка водит рукой по розовому животу Шарика. В глазах щиплет. Аленка зажмуривается и видит волка. Если она попросила правильно, волк придет сегодня ночью. Прошлой осенью волк приходил к Маласаихе. Маласаиха старая и живет с сыном у самого леса. Сын Маласаихин пьет. Его так все и зовут — Генка-пьяница. Волк той осенью задрал Маласаихину овечку. «Это хорошо, что овечкой забрал», — сказала Петровна. Аленка тогда подумала, что Петровна так со злости говорит. У нее самой-то ни коровы, ни овечек нет. А Варька сказала, что это смерть в виде волка приходила. Могла бы Маласаиху или Генку прибрать, но забрала овечку. «Теперь в их хате долго никто не померет», — сказала Варька. И Генка, действительно, не помер. Хоть на Троицу проспал всю ночь на кладбище, на старой могиле со сгнившим крестом. А на могилы даже наступать нельзя, не то что спать на них.

Бабушка Соня овечек не держит. «Хватит и коровы», — говорит она. Корову зовут

Мурка. У Варьки Муркой зовут кошку, а у Аленки — корову. Аленкина Мурка белая с черными пятнами — два пятна на спине, одно на морде. Бабушка Соня с Муркой разговаривает. Мурка мычит ласково, будто мурчит. Мурку волку отдавать никак нельзя — бабушка еще больше сляжет. Из-за Шарика бабушка не сляжет. Шарик поднимается на лапы и слизывает слезы с Аленкиного лица. Аленка сидит на земле и прощается с Шариком. Она уже попросила волка, чтобы он отпустил бабушку и взял Шарика.

Калитка открывается так быстро, что Шарик даже не успевает залаять. «Волк», — Аленка хочет встать с земли и не может. Ноги стали такие тяжелые, словно Аленка не сидит во дворе, а бежит в тяжелом сне.

— А ты чего на земле расселась? Тоже заболеть хочешь?

— Мама!

Аленка вскакивает с земли и несется к калитке. За ней Шарик. У калитки стоит мама — в узком синем платье, еще немножко чужая, но уже почти домашняя. Аленка двумя руками обнимает маму. Мамина кофта пахнет поездом, а руки — городским мылом.

— Врач через полчаса приедет. — Мама одной рукой обнимает Аленку, другой гладит Шарика.

Врач приезжает на белом запорожце с круглой крышей. Живот у врача тоже круглый.

Врач долго моет руки под старым рукомойником во дворе. Рукомойник звенит радостно и даже торжественно. Затем врач долго сидит на табуретке около кровати бабушки Сони — там, где раньше сидела Петровна. «В легких чисто», — говорит доктор, и бабушка Соня улыбается. Аленка улыбается тоже. Она не знает, что такое эти легкие, но радуется, что доктор бабушку похвалил.

Чай пахнет смородиной. Аленка с мамой сидят за столом. На столе белая скатерть — чистая, только что постеленная. Бабушка Соня спит — неслышно, без хрипа.

— Мам.

— У-у-у. — Мама отзывается сонно и закручивает волосы в толстый узел на затылке.

— А давай Шарика на ночь в дом забере-
рем.

— Еще чего! — Мама встает, собирает чашки. — Шарик тоже, что ли, простудился?

— Нет, — отвечает Аленка и изо всех сил старается не расплакаться.

— А что это у нас глаза на мокром месте? — спрашивает мама, и Аленка, наконец, плачет — громко, навзрыд, до хрипоты, до потери голоса.

— Ну, ну. — Мама прижимает Аленкину голову к своему животу, и Аленка перестает плакать, только всхлипывает.

— Волк, — шепчет Аленка и сильнее прижимается к маме.

— Испугалась за бабушку? — спрашивает мама.

Аленка кивает и опять плачет. Плачет и быстро-быстро говорит — про волка, про Маласаихину овечку, про Генку-пьяницу и про Шарика, которого заберет волк.

— Задурили ребенку голову, — злится мама и выходит во двор.

Аленка выходит следом. Мама садится рядом с Шариком и обнимает его за шею. Аленка стоит на пороге, смотрит на маму, на Шарика и на круглую, словно блин, луну. «Волк, не приходи, пожалуйста», — говорит Аленка луне и прислушивается. Далеко в лесу дышит волк — тихо и сонно.

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО

Галя могла стать певицей. Она выходила бы на большую сцену в блестящем платье и держала бы в руках микрофон без провода. «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко», — пел бы микрофон Галиным голосом, и все бы плакали. Все тысячи, а может, и миллионы людей.

До большой сцены Галя не добралась. Аленка слышала, как тетя Франия — Галина мама — жаловалась бабушке Соне, что всюду надо блат. Никакого блата у тети Франи и Гали нет. У них есть белая корова с рыжим

пятном за ухом и большая дикая груша на картофельном поле. Картофельное поле спускается к речке, и ничем не огорожено. Дички никогда не успевают. Они сначала зеленые и твердые, а потом сразу коричневые — гнилые. У Гали, как и у Аленки, нет папы. Только если Аленка не знает, куда делся ее папа, то Галин папа — дядя Гордей — точно умер. Для похорон с завода муз. деталей дали машину. Дядя Гордей работал на заводе мастером. Аленка раньше думала, что в длинном дощатом бараке с вывеской БЗМД делают музыку. Но бабушка Соня сказала, что из доски музыку не сделаешь. В местном цеху производят пятку грифа. Гриф Аленке представляется блестящей разноцветной птицей с Галиным голосом, которая летает по ночам над трассой. Трасса — сразу за кладбищем. Днем и ночью по ней ездят фуры. Громкие, с яркими фарами, они проносятся мимо низенького кладбищенского забора и мчатся далеко-далеко. В прекрасное далеко.

Галя поет на низенькой сцене актового зала. Школу Галя окончила год назад, но на это первое сентября ее снова позвали петь. Потому что на линейку приехал генерал. Генерал — высокий, лысый, на кителе блестящими нитками вышиты звезды, сидит на стуле в первом ряду и плачет. «Я клянусь, что стану чище и добрее», — выводит Галя в микрофон на черном проводе. Голос у нее такой же

чистый, как окна перед Пасхой в Аленкином доме. Генерал когда-то учился в их школе. «Во-о-он там стоял наш дом», — сказал он на линейке и показал рукой на Зауманихин ров. Ров глубокий, темный, холодный даже в жару. Дети там «пытают шпионов», когда играют в войну. А бабушка Соня в настоящую войну пряталась там от настоящих немцев. Аленку в прошлом году «пытал» Вовка Солдатенков. Вовка на два года старше. Он обхватил Аленку сзади и завел ее руки за спину. Аленке было больно, но не хотелось, чтобы Вовка отпущал. Этим летом Вовка стащил из магазина два коржика. Участковый дядя Витя сказал, что по Вовке тюрьма плачет. Аленке Вовку жалко. Через девять лет Аленке исполнится восемнадцать и она сможет выйти за Вовку замуж.

«Слышу голос, и манящая дорога кружит голову, как в детстве карусель», — Галя отставляет микрофон и раскачивается. Она одета в обтягивающее рыжее платье и черные колготки. «На трассу, что ль, собралась?» Аленка была во дворе, когда Галя выходила из дома, и слышала, как Петровна окликнула Галю. Петровна злая. Бабушка Соня говорит, что та не злая, а одинокая.

Генерал вытирает бордовым платком лысину. На лысине — капельки пота. Первого сентября всегда стоит жара. Последнюю неделю августа льет как из ведра, а первого сентября — жара. Все лето Галя загорала